

Имперіи, на Востокѣ, Риму не принадлежавшемъ, откуда они хотѣли даже поставить самозванца, лже-Нерона,) она, эта борьба, не всемірна по времени, не всемірны, слѣдовательно, по времени и относящіяся къ этой борьбѣ притчи и поученія. Однако вопросъ борьбы Востока и Запада не только не разрѣшенъ, не кончился, а еще и расширился, проявился и на съверѣ, *) а потому и Христосъ продолжаетъ говорить чрезъ своихъ послѣдователей и, не уничтожая старого, создается новое Евангелие. Наставлениія апостоламъ, инструкціи миссіонерскія также не могутъ оставаться все тѣми же. Самое число апостоловъ увеличено у Луки до семидесяти, по числу признаваемыхъ тогда народовъ, языковъ, какъ 12-ть соотвѣтствовало числу 12-ти колѣнъ еврейского народа. Евангелие распространяется, глубже раскрывается, а потому и должно сказать, что Евангелие не закрытая, не законченная книга.

Это-то раскрытие безконечного содержанія жизни Примирителя,—примирителя въполномъ смыслѣ этого слова,—есть вѣчное Евангелие. Евангелие не имѣетъ границъ ни съ какой стороны, и 70-ть апостоловъ могли бы, или—вѣрѣ—должны бы были, обратиться въ 700, 800, словомъ во столько, сколько языковъ, т. е. народовъ. И это только одна сторона примиренія, примиреніе и только со ~~ко~~стороны языка; миссіонеровъ же нужно столько, сколько различныхъ должностей, профессій, которыхъ все должны быть миссіонерскими, т. е. служить не своему прибытку, а общему благу. Какъ ни прекрасны евангельскія повѣствованія, но они не могли изобразить Христа во всемъ Его величіи, ни передать всей глубины Его ученія. Иоаннъ свидѣтельствуетъ, говоря: „и самому миру не вмѣстить написанныхъ книгъ,” если бы описать всю жизнь Его. Окончивъ такъ свое евангелие. Иоаннъ положилъ начало безконечному, вѣчному Евангелию, которое, занявъ центральное положеніе, будетъ руководить,—отчасти и руководило уже,—ходомъ всемірной исторіи... Однако при самомъ открытии шествія по заповѣди—„научите” —мы встрѣчаемъ въ проповѣдникахъ—учителяхъ отрицаніе самой способности знанія въ человѣкѣ, отрицаніе разума. Такъ, по крайней мѣрѣ, поняли это позднѣйшіе толкователи канонической письменности, хотя и сами пользовались при этихъ толкованіяхъ тою же способностью, которой не давали мѣста въ христіанскомъ дѣлѣ. Можно, конечно, и такъ полагать, что,—осуждая мудрость, которая, дѣйствительно, была заносчива, опыта не признавала и, оставаясь при мысленныхъ, спекулятивныхъ только средствахъ, дѣлу христіанскому служить не могла,—каноническая письменность отвергала лишь гордое знаніе греческаго города. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, нѣ видно, чтобы тогдашнее христіанство имѣло намѣреніе направить знаніе къ селу для изученія господствующихъ надъ человѣкомъ естественныхъ силъ, заставляющихъ его служить матеріи; потому-то христіанство и дало лишь ограничительный смыслъ заповѣди—„научите”, потому-то оно и бичевало все, одаренное сильными умственными способностями, не указывая дѣла, въ которомъ умственные способности могли-бы найти приложеніе; потому-то и само христіанство, вмѣсто указанія дѣйствительныхъ

*) Главные же участники борьбы и здѣсь остались тѣ же, т. е. евреи, ставшіе во главѣ и нашего, такъ называемаго, освободительного движенія.